

АКТУАЛЬНО О ГЛОБАЛЬНОЙ УГРОЗЕ

Ю.М. АНТОНЯН,

*Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник ВНИИ МВД России;*

Е.Н. ЮРАСОВА,

*кандидат психологических наук, доцент,
декан факультета психологии Института гуманитарного
образования и информационных технологий*

ЭКСТРЕМИСТСКОЕ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ С ПОЗИЦИЙ ГЛУБИННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Рассмотрены эмпирические исследования, позволяющие утверждать, что личности террориста присущи глубокие психологические нарушения по типу параноидных или нарциссических.

Ключевые слова: ксенофобия, психоанализ, образ врага, идеализация и обесценивание, нарциссизм, идентичность, отрицание.

Y.M. Antonyan, RF Honored Scientist, DSc (Law), Professor, Chief Researcher, Russia MI National Research Institute; e-mail: vnii59@yandex.ru (495) 697-46-89;

E.N. Yurasova, PhD (Philosophy), Assistant Professor, Dean of the Faculty of Psychology, Institute of the Humanitarian Education and Informational Technologies; <http://www.igumo.ru/> (495) 965-00-05.

The extremist and terrorist behavior from the position of profound psychology.

The empirical researches enabling to affirm that the profound psychological disturbances like paranoid or narcissism are characteristics of the terrorist personality are examined.

Key words: xenophobia, psychoanalysis, image of enemy, idealization and depreciation, narcissism, identity, negation.

В настоящее время экстремистское и террористическое поведение чаще всего связано с национально-этническими либо религиозными конфликтами, в связи с чем его часто пытаются объяснить, исходя из идеи противостояния культур и возникающей в связи с этим ксенофобии, понимаемой обычно как ненависть, нетерпимость к кому-либо или чему-либо чужому, незнакомому, непривычному, но его значение может быть представлено шире. Дословный его перевод означает «страх чужого, иного», что точно отражает психологическую природу этого явления. В основе ксенофобии лежит страх «чужого». Данный тезис неоднократно обосновывался различными исследователями и теоретически, и эмпирически (Ю.М. Лотман, И.С. Кон, С. Московичи и др.). Как справедливо отмечают исследователи ксенофобии, разделение людей на «своих» и «чужих» является базовой характеристикой человеческого

восприятия, имеет архетипическую основу и уходит корнями в диалогическую природу сознания. Однако это, тем не менее, не означает, что ксенофобические настроения являются поголовными. Выраженный страх перед «чужим», или, словами К.Г. Юнга, «захваченность архетипом „чужого“» (как и любым другим архетипом), предполагает наличие определенных личностных характеристик, делающих индивида склонным к ксенофобии.

При изучении особенностей ксенофобических переживаний мы столкнулись с целым спектром отрицательных чувств, среди которых были чувство собственного превосходства и презрения к другому, агрессия, зависть, страх и др. Приводимые объяснения причин подобных эмоций не выглядели убедительными: они сводились к перечислению примеров неблагоприятного поведения и отрицательных личностных черт

людей другой национальности или религиозной принадлежности, либо объяснений вообще не приводилось, а просто описывались как раздражающие особенности внешнего вида людей другой нации или этноса – цвет кожи, волосы, черты лица, стиль одежды, манера разговора и т.д. Хотя объясняющий под давлением фактов мог признавать, что те же самые особенности легко найти и у представителей его собственной нации, он продолжал настаивать на резком отличии «своих» и «чужих».

Проведенные нами эмпирические исследования подтвердили необоснованность этой неприязни: мы обнаружили, что источником представлений о национальных особенностях какой-либо этнической группы является не столько опыт реального взаимодействия с ее представителями, сколько собственные фантазии, обывательские стереотипы, тенденциозные сообщения средств массовой информации.

Другим выявленным фактом было то, что ксенофобам присущ более высокий уровень тревожности по сравнению с людьми без ксенофобии (группы сравнивались по U-критерию Манна-Уитни, различия значимы на уровне $p < 0,001$). Эти данные могут служить подтверждением положения о том, что страх является базовым переживанием ксенофобической личности и ожидание вреда от представителей других национальностей является, по сути, экстернизацией собственной тревоги ксенофоба (Юрасова Е.Н., 2008).

Анализируя эти данные, мы выделили такие особенности эмоциональной и когнитивной сферы ксенофобов, как сила и многообразие эмоций, их необоснованность, резкое противопоставление себя и другого. Это заставляет подозревать наличие спровоцированных страхом мощных психологических защит типа проекции и отрицания.

Защиты этого типа в психоанализе считаются характерными для параноидной личности. Следует подчеркнуть, что используемый в быденном языке термин «параноидный» не полностью совпадает по своему значению с соответствующим психоаналитическим понятием. В быденном языке слово «параноидный» используется для описания человека, которому кажется, что он подвергается преследованию и недоброжелательному отношению со стороны других людей. Психоаналитический термин используется для обозначения такой структуры личности, при которой преобладающими психологическими защитами являются проекция и отрицание (Мак-Вильямс Н., 2006).

Эти защиты относятся к архаичным. Они

возникают в онтогенезе очень рано, фактически одними из первых, когда ребенок еще не обладает ясным представлением о внутренних и внешних событиях и выделение им себя из среды только начинается. В это время когнитивный аппарат ребенка еще не совершенен, поэтому данные защиты устроены примитивно и существенно искажают восприятие реальности.

Проекция означает приписывание своих качеств, прежде всего негативных, другим людям или окружающим предметам. Она рассматривается как аналог выплевывания несъедобного: ребенку не нравится вкус чего-то и он избавляется от неприятных переживаний, удаляя это нечто изо рта. Таким образом, что-то неприятное существует уже не внутри, а снаружи. Отрицание как отказ признавать существование чего-то неприятного аналогично закрытию глаз. В более зрелом возрасте проекция – это бессознательное приписывание другим тех качеств, которые имеются у данного человека, но воспринимаются им как негативные, и одновременно отрицание их у себя. Приписанные другому гнев, зависть, недоброжелательность и т.п. в дальнейшем начинают рассматриваться как внешняя угроза. Отрицание же их у себя может приводить к ощущению собственного величия и значимости. Так воспринимали немецкие нацисты евреев и представителей некоторых других наций.

Если рассматривать ксенофобов как вариант параноидной личности и считать, что для них также характерны проекция и отрицание как центральные защиты, становятся понятными их чувства и поведение, адресуемые к людям другой национальности. Недоброжелательность по отношению к ним объясняется тем, что они заслуживают плохого отношения, так как обладают плохими качествами; агрессия вызывается ощущением, что они являются источником угрозы и поэтому их надо уничтожить или, по крайней мере, удалить на безопасное расстояние; чувство собственного превосходства возникает от ощущения собственной «безгрешности» в связи с отрицанием наличия у себя негативных черт, присущих людям другой нации.

Тот факт, что при ксенофобии проекция и отрицание являются центральными защитами, подтверждают и эмпирические исследования межэтнических конфликтов. Неоднократно описанный эффект «зеркального восприятия», когда члены двух конфликтующих групп приписывают одни и те же положительные черты себе и одинаковые отрицательные черты приписывают противникам, показывает эти механизмы в действии (Майерс, 2000; Стефаненко Т.Г., 2003).

Параноидная структура личности и соответ-

ствующий ей тип психологических защит формируется в тех случаях, когда у маленького ребенка нет возможности переживать регулярно чувство доверия к миру и он воспринимается как угрожающий. Это происходит, скорее всего, в условиях двух типов.

Первый тип условий характеризуется тем, что большинство потребностей ребенка не удовлетворяется и он регулярно переживает их фрустрацию. Обычно это происходит в семьях с низким социальным статусом и культурным уровнем. Такая семья не может обеспечить ребенку защиту от сильных неблагоприятных внешних воздействий типа тяжелой болезни, недостаточного или неполноценного питания, физического дискомфорта из-за плохих условий жизни и т.п. Кроме того, в такой семье наиболее вероятно наличие «недостаточно хорошей матери», которая не может удовлетворить эмоциональных потребностей ребенка в силу собственных эмоциональных проблем или эмоциональной неразвитости. При этом эмоциональные проблемы матери могут быть спровоцированы установками, существующими в культуре по отношению к женщине, например пренебрежением, когда к ней относятся как к малоценному объекту. Таким образом, можно сделать вывод, что ксенофобия с большей вероятностью может формироваться у представителей малообеспеченных и малокультурных слоев общества, а также в культурах, где присутствует жесткое дискриминационное отношение к каким-либо социальным группам.

Второй тип ситуаций будет возникать тогда, когда родители ребенка сами воспринимают внешний мир как угрожающий и бессознательно транслируют это убеждение ребенку. Чаще всего это имеет место в семьях эмигрантов либо национальных меньшинств, что в еще большей степени располагает к формированию в дальнейшем ксенофобических установок у ребенка. Ощущение внешней угрозы может возникать и у жителей большой страны, особенно когда они опасаются дальнейшего попраания их культуры. Такие острые ощущения были у немцев после Первой мировой войны, чем очень умело воспользовались национал-социалисты.

Хотя ксенофобия, без сомнения, может являться основой для террористического поведения, последнее вряд ли можно объяснить только наличием ксенофобических переживаний. Любой террористический акт является в первую очередь проявлением агрессии. Агрессия может запускаться страхом, но отнюдь не всегда страх приводит к агрессии. Агрессивное поведение с точки зрения современного психоанализа гораздо чаще провоцируется чувствами ущемленного

достоинства, обиды, оскорбления. Интенсивное и частое переживание этих чувств в сочетании с выраженной агрессивной установкой по отношению к другим людям являются отличительными чертами нарциссической личности. Безусловно, не всякая нарциссическая личность приходит к терроризму, но личности террориста обязательно присущи нарциссические черты. Чтобы понять, как они формируются и какова их связь с террористическим поведением, необходимо более подробно рассмотреть условия и психологические механизмы формирования нарциссизма и терроризма.

Под нарциссической понимается такая структура личности, где основные конфликты выстраиваются вокруг проблемы самопринятия и самоуважения. Они порождают другие характерные особенности, такие как:

- обостренное чувство собственного достоинства, тщеславия и превосходства, периодически сменяющееся чувством полной личностной несостоятельности и истощающего стыда;

- нетерпимость к слабости, несовершенству, ошибкам. Нарциссические личности очень негативно относятся к беспомощности других, их неспособности защитить себя. В этих ситуациях они могут бессознательно ставить себя на их место, отчего весьма страдает их нарциссизм;

- стремление осуждать себя и других, больше перекладывая вину за это на последних;

- смутное, искаженное представление о своих личностных качествах, т.е. размытая личностная идентичность;

- идеализация и обесценивание как основные психологические защиты;

- резко поляризованная ригидная система оценок любых явлений, человеческих качеств или ценностей.

На этих особенностях базируются характерные черты террористического поведения:

- чувство превосходства собственной нации, этноса, группы либо собственной системы ценностей или верований. Групповой нарциссизм представляет собой повышенную общественную опасность, что отмечал еще Э. Фромм;

- крайне аффективно заряженная групповая идентичность;

- стремление идентифицироваться с идеализированными образами учителей, духовных наставников, вождей;

- подверженность фанатизму (религиозному, политическому и т.п.).

Другими характерными особенностями террористического поведения, кроме уже перечисленных, являются следующие:

- выраженная идеологическая составляющая –

террористические акты приводятся как борьба за какие-то идеалы;

агрессия, направленная не на конкретных лиц, а на некий присущий им признак (национальность) либо на случайных людей, которые нередко воспринимаются террористами не в качестве живых личностей, а неких символов, олицетворяющих ненавистную религию, расу или нацию;

жестокость и отсутствие сочувствия по отношению к жертвам.

Рассмотрев более подробно механизмы формирования нарциссизма, мы сможем понять и эти характеристики террористического поведения.

В психоанализе традиционно считается, что базисные особенности личности складываются в ранние детские годы. Современный психоанализ одним из главных факторов этого процесса считает специфику детско-родительских отношений.

Наиболее вероятно нарциссизм формируется на анальной стадии развития, прохождение которой характеризуется фантазиями ребенка о своем всемогуществе и величии, переживаниями стыда и чувства собственной ничтожности и выраженным присутствием агрессии и упрямства. При благоприятном протекании этой стадии все перечисленные особенности сглаживаются, а неблагоприятный вариант заключается в их чрезмерном заострении и формировании на их основе различных деструктивных личностных особенностей, в том числе и выраженного нарциссизма.

Анальная стадия является вторым периодом онтогенеза и следует за оральной, для которой характерен симбиоз ребенка с матерью. На анальной стадии ребенок в гораздо большей степени, чем в младенчестве, подвергается воспитательным воздействиям, так как перед ним стоит задача освоения принятых в его культуре способов удовлетворения естественных потребностей (отсюда название стадии) и образцов отношений с социумом. Ситуации приучения ребенка к существующим в данном обществе традициям предстают для него ситуациями, когда взрослые заставляют ребенка делать то, что он не умеет или не хочет, либо не позволяют ему делать то, что он хочет, поэтому этот период можно рассматривать как период противостояния воли ребенка и воли взрослого. Ребенок, как пишет Э. Эриксон, начинает пробовать границы собственных возможностей. При этом он переоценивает свои силы, основываясь на фантазиях о собственном всемогуществе, и переживает стыд и агрессию, когда они фрустрируются в результате его собственного неумения или порицания со стороны

взрослого. Однако значение имеют не столько сами по себе неудачи ребенка, сколько та социальная оценка, которую они получают, поэтому успешность прохождения анальной фазы зависит от умения взрослых из ближайшего окружения поддержать у ребенка чувство умелости, которое смягчает как чувство стыда, так и фантазии о всемогуществе (Эриксон Э., 1996).

Когда родителям это удается, у ребенка формируется такое личностное качество, как автономия. Автономия, по сравнению с симбиозом с матерью, позволяет ребенку почувствовать себя отдельным индивидом, «самому себе принадлежащей персоной», с собственной волей и желаниями. Из этого ощущения рождается понимание, что другие люди, в свою очередь, существуют отдельно от него и тоже имеют право на свои собственные желания. Фактически благодаря собственной автономии появляется признание автономии другого. Поэтому, с точки зрения Э. Эриксона, именно на этой стадии закладываются основы таких фундаментальных принципов сознания, как «закон» и «порядок». Психологически закон и законопослушание есть не что иное, как готовность уважать существующие договоренности, т.е. признавать права других людей удовлетворять свои собственные желания, отличные от желаний индивида. Это позволяет индивиду в дальнейшем легко и без внутреннего сопротивления принимать существование некоторых правил, которым необходимо следовать, и безболезненно смиряться с разумными ограничениями, от кого бы они ни исходили: физической среды, социума или возможностей собственного организма. Можно говорить, что автономия рождает признание и принятие отличий.

Неблагоприятные варианты родительского поведения проявляются в виде чрезмерного захваливания или «балования» ребенка и слишком жесткого контроля и осуждения. Захваливание и «балование» подкрепляет неадекватные фантазии ребенка о собственном всемогуществе и провоцирует чувства тщеславия, собственной исключительности и превосходства. Это приводит к снижению способности переносить фрустрации и к легкому возникновению агрессии в ситуациях неудач или неодобрения. Таким образом, этот вариант родительского поведения прямо стимулирует формирование нарциссических черт. Однако слишком жесткий социальный контроль и осуждение, когда пресекается любое поведение ребенка, не соответствующее «нормам», и ребенка постоянно стыдят, приводит к еще более выраженному нарциссическому радикалу. Безусловно, способность испытывать чувство стыда является необходимой для жизни в обще-

стве, и человека, никогда не стыдящегося, вряд ли можно назвать успешно социализировавшимся. Однако слишком частое и интенсивное его переживание крайне негативно сказывается на развитии личности.

По содержанию стыд представляет собой переживание собственной малости, плохости или ущербности по сравнению с другим, поэтому рождает бурный протест в виде ярости, направленной на этого другого, и желание его уничтожить. Стыд рано возникает в онтогенезе и обладает всеми чертами, характерными для архаичных эмоций: является диффузным, тотальным и вневременным переживанием, т.е. плохо рефлексивируется и вербализуется, обладает большой энергетикой и способен сильно нарушать поведение индивида.

Интенсивное переживание стыда, как и любой другой сильной негативной эмоцией, вызывает действие психологических защит. Неокрепшее «Я» не может интегрировать опыт собственной «плохости» в структуру личности ввиду его чрезвычайной травматичности, поэтому происходит расщепление опыта – он распадается на элементы, которые подвергаются действию механизмов отрицания или идеализации. Действие отрицания мы уже описывали ранее: индивид становится неспособным признавать у себя наличие негативных качеств и проецирует их на других людей. Идеализация, существующая в паре с обесцениванием, представляет собой приписывание чрезвычайной ценности каким-либо явлениям или качествам с одновременным отказом от признания ценности всего, не совпадающего с идеалом. Идеализация у нарциссической личности проявляется в многократной переоценке собственных особенностей, что служит для уравнивания травматического опыта «плохости», пережитого в результате стыда.

В семейном воспитании в детстве и отрочестве весьма значим фактор принятия ребенка (подростка) родителями или, напротив, непринятия их, отвержения. При принятии ребенок уверен в защите близких, что образует его психологическую защищенность, весьма значимую особенно в рискованных и острых ситуациях. Уровень его тревожности обычно находится в норме. Другое дело в случае отчуждения родителями ребенка. Тогда тревога у него повышена, что составляет его стабильную личностную черту. Как показали наши эмпирические исследования, среди насильственных преступников по сравнению с законопослушными гражданами значительно больше лиц, которые не были уверены в любви своих родителей и в целом ощущали себя отвергнутыми. Между тем высокий уровень тре-

вности является отличительной чертой экстремистских преступников.

Неблагоприятные варианты родительского поведения чаще всего появляются в условиях, когда родители сами очень сильно зависят от оценок окружающих и воспринимают растущего ребенка как подтверждение их собственной социальной состоятельности. Это особенно характерно для замкнутых и относительно малочисленных социальных групп, таких как социальная элита либо, напротив, национальные меньшинства, а также для малочисленных народностей или обществ с патриархальной культурой, где велика угроза остракизма в случае отступления от традиций.

Интенсивное переживание стыда ребенком возможно не только при неблагоприятных детско-родительских отношениях, но и в случаях неприятия ребенка социумом или детским сообществом, что опять-таки чаще всего наблюдается по отношению к национальным меньшинствам.

Искажающее действие защит приводит к двум серьезным негативным последствиям:

у индивида в дальнейшем формируется смутное, размытое представление о собственной личности, так называемая спутанная идентичность;

у индивида формируется жестко поляризованная система оценок и ценностей, в дальнейшем приводящая к крайне идеологизированному сознанию.

Вокруг этих двух базовых особенностей и выстраиваются все остальные ранее перечисленные черты нарциссической личности, в том числе и те, которые характерны для личности террориста.

Одной из самых характерных черт террористического поведения является то, что оно всегда сопровождается провозглашением неких принципов, ради которых, собственно, предпринимается. Террористический акт декларируется и воспринимается самой террористической личностью как единственно возможное средство борьбы за некие идеалы. Терроризм всегда имеет в качестве основы какую-то идеологию, идею, фанатичное следование которой является делом более важным, чем сама жизнь.

Именно наличие выраженной идеологии делает исправительную работу с террористической личностью чрезвычайно трудной. Наказания оказываются малоуспешными, так как не противостоят логике «борьбы за идею», более того, могут создавать наказываемому ореол героя в его собственных глазах и в глазах его сподвижников. Понимание того, как происходит формирование личности с идеологизированным сознанием,

может быть полезным для нахождения новых путей построения психологической антитеррористической работы.

Как пишут Х. Томэ и Х. Кэхеле, с точки зрения психоанализа у идеологии и нарциссизма общие корни (Томэ Х., Кэхеле Х., 1996). Рассмотрим то и другое явление более подробно.

Любая идеология представляет собой набор каких-либо идеалов, а идеалы в свою очередь возникают как результат некоей системы оценок, т.е. сравнения вещей, явлений, качеств между собой и выделения среди них «хороших» и «плохих». По содержанию те или иные политические или религиозные идеологии могут отличаться, но по структуре каждая из них представляет собой бинарную систему оценок по типу «хорошо-плохо». Применение этой системы оценок к людям приводит к появлению категории «врага», т.е. человека, группы людей или некоей сущности (что характерно для религиозных верований), которые эти идеалы не разделяют, а значит, представляют угрозу как для идеалов, так и для их последователей. При этом целью идеологии как «всеобъемлющей системы идей и политических или религиозных движений», является «превращение иллюзии в реальность» (Томэ Х., Кэхеле Х., 1996). Таким образом, любая идеология прямо или косвенно проповедует необходимость переустройства реальности и содержит явный или неявный призыв к агрессии против «врага» как главного препятствия к достижению этой цели.

Нарциссическая личностная структура, как уже указывалось, предполагает наличие жесткой поляризованной системы ценностей, которая определяет самооценку индивида и его оценку других людей; идеализированное представление о собственных качествах и стремление к уничтожению всего, что не соответствует идеальным образцам.

Таким образом, идеология и нарциссизм имеют черты неоспоримого сходства, а именно:

базируются на таком представлении о реальности, где различные качества (явления, ценности) являются взаимоисключающими;

содержат идею собственного превосходства, т.е. в терминах психоанализа базируются на грандиозных фантазиях о собственном величии;

подразумевают наличие «врага» – человека или группы людей, отношения с которыми возможны только как смертельное противостояние, когда кто-то один должен быть уничтожен.

Образ врага является одним из важнейших смысловых образований в сознании нарциссической личности; то же самое можно утверждать и относительно личности террориста. Основные отличительные особенности этого образа, по мнению Л. Гудкова (Гудков Л., 2005), следующие:

враг – это некто чужой, принципиально отличающийся по своему внутреннему устройству от индивида, а также от группы, к которой индивид себя причисляет;

с врагом невозможны соглашения, так как он не принимает существующих норм, а возможно только смертельное противостояние до уничтожения кого-либо из борющихся;

враг никогда не представлен как конкретный партнер, фактически лишен личностных черт, в связи с чем его образ легко проецируется на любой более или менее подходящий объект;

враг представляет собой угрозу не только для индивида, но и для группы, с которой индивид себя идентифицирует, а также для авторитетов и власти, выступающих в защиту индивида.

Все перечисленные характеристики врага выполняют важные психологические функции в структуре террористической нарциссической личности. Прежде всего, они облегчают процессы групповой идентификации и идеализации. Враг отличается от просто «чужого» тем, что несет в себе смертельную угрозу существованию группы, с которой индивид себя идентифицирует. Главной психологической угрозой, которую содержит образ врага для индивида, представлен ли он в качестве некоей сущности, отдельного человека или группы людей, является способность разрушить группу либо развенчать ее ценности, т.е. лишить человека возможности идентифицироваться с ней. Возможность идентифицироваться с группой чрезвычайно важна для нарциссической личности и вытекает из такой ее базовой особенности, как спутанная идентичность.

Нарциссическая личность, как уже указывалось, имеет весьма смутные представления о собственных особенностях, при этом даже самые отчаянные нарциссы ощущают несоответствие собственного идеализированного образа реальности. Компенсировать размытые и противоречивые представления о собственном «Я» индивид пытается с помощью подмены личностной идентичности групповой, т.е. за счет отождествления себя с какой-либо группой людей. В принципе при размытой идентичности в качестве объекта для идентификации может выбираться любая группа, что хорошо видно на примерах подростковых групп или «фанатов». Но для нарциссической личности, обладающей идеологизированным сознанием и потребностью идеализировать собственные черты, в качестве такой группы наиболее вероятно будет выступать группа, имеющая с индивидом общие «идеалы» либо какие-то общие характеристики, которые кажутся ему однозначными и неизменными, типа национальной принадлежности или вероисповедания. Часто в

качестве объекта для идентификации выбирается даже не реальная группа, а некий идеализированный образ представителя собственной нации, учителя, духовного наставника, вождя. Такая групповая идентичность, так же как и вера в идеализированные фигуры лидеров, оказывается крайне эмоционально заряженной, ибо является последним бастионом, защищающим идеализированный личностный образ от разрушения. Поэтому какие-либо критические посягательства на группу, ее лидеров или ее ценности воспринимаются индивидом крайне болезненно, так как на бессознательном уровне воспринимаются как удары по его и без того неустойчивой идентичности.

Вообще, нарциссическую личность можно представить как личность, основной смысл действий которой заключается в отчаянных попытках обеспечить себе основания для самопринятия и укрепить свое самоуважение, и групповая идентификация является одним из средств для этого. Поэтому страх лишения группы как объекта идентификации является у нарциссической личности чрезвычайно интенсивным и заставляет ее доказывать свою преданность группе любыми способами, вплоть до пожертвования собственной жизнью.

Другой важной психологической функцией образа врага для нарциссической личности является его способность выступать в качестве средства объединения и сплочения. Совместные действия против врага вынуждают группу сплотиться. Так как нарциссическая личность с трудом может выстраивать какие-либо близкие отношения с людьми, кроме противоборства, иметь с кем-то общего врага – для нее единственный способ пережить чувство единения с другими людьми.

Уничтожение врага, кроме уже перечисленных, имеет еще одну важную для нарциссической личности психологическую функцию, полностью неосознаваемую, – это желание, уничтожая других, устранить таким образом собственные недостатки. Как уже указывалось, нарциссическая личность обладает поляризованной системой ценностей, где различные человеческие качества и особенности становятся взаимоисключающими. Исходя из этой системы ценностей индивид оценивает себя и других, проявляя при этом характерную нетерпимость и безжалостность к любым несоответствующим идеальным образцам. Следует подчеркнуть, что нетерпимость к собственному несовершенству является столь же характерной чертой нарциссической личности, что и нетерпимость к несовершенству другого. Психологически более точным было бы сказать,

что именно страх собственного несовершенства заставляет индивида так сильно ненавидеть его в других, особенно когда он переносит на них свои недостатки (Нойман Э., 1999). Это объясняет ту беспощадность по отношению к другим людям, которую демонстрируют в своих действиях религиозные фанатики, революционеры или террористы. Невинные жертвы никогда не являются для них невинными – они виноваты в несоответствии идеалам.

Допустить возможность их существования означало бы подвергнуть сомнению собственную идеальность и усомниться в однозначности собственных ценностей. Если же индивид лишится своих идеализированных представлений, то произойдет актуализация архаичного травматического опыта переживания собственной «плохости».

Таким образом, мы получаем ответ на вопрос, почему террорист-революционер, национальный или религиозный фанатик продолжают бороться, даже если видят тщетность своих усилий. Фактически они не могут не бороться, так как борются за интеграцию собственной личности. Уничтожение «врагов» является для них актом уничтожения несовершенства, что на бессознательном уровне, с одной стороны, поддерживает веру в возможность достижения совершенства, а с другой – воспринимается как уничтожение и собственного несовершенства.

Борьба с собственным несовершенством порождает и другие характерные особенности нарциссической личности, легко просматриваемые также в поведении террористов. Во-первых, это постоянное и навязчивое стремление к самосовершенствованию, вплоть до самоистязания. Оно может принимать вид бесконечных молитв, актов служения, сопровождающихся физическими лишениями, испытаний и т.п. Во-вторых, это презрение к физическому комфорту, боли, удовольствиям. Все эти особенности также могут быть объяснены действием травматичных переживаний стыда в детстве.

Так как первоначально переживание стыда возникает в ситуациях, связанных с усвоением норм культурного поведения при удовлетворении естественных потребностей, стыд оказывается тесно связанным с телесностью. Неосознанное желание уйти от стыда будет вызывать желание свести к минимуму проявления телесности и к защитному отверганию любых чувственных удовольствий как «опасных», провокационных. На уровне поведения это может проявляться как безразличие к обычным ощущениям – вкусовым переживаниям, чувству тепла-холода, усталости, болезненности, с одной стороны, а с другой – в необходимости экстремальных ощущений на

границы жизни и смерти, которые только и могут дать переживание продолжающейся жизни.

Проблемным является и отношение к самой жизни в целом. Жизнь, как чужая, так и своя собственная, обесценивается, наполовину сознательно, наполовину неосознанно. Сознательное ее обесценивание проявляется в том, что нарциссический индивид считает, что есть «более важные» вещи, чем жизнь, имея в виду все те же идеалы. И для него это действительно так, ибо, как уже указывалось, отказ от идеалов рождает чувство пустоты или распада личности, что субъективно переживается как та же самая смерть. Бессознательное обесценивание связано с тем, что собственно проживание жизни лишено приятности. Как справедливо замечают психоаналитики, счастье, по сути, является глубоко телесным переживанием. Поэтому бессознательный отказ от телесных переживаний означает одновременно и закрытие путей для переживания счастья как спокойной и длительной радости. Для нарциссической личности счастье знакомо лишь как переживание кратких мгновений триумфа, возникающее в момент достижения каких-либо «высоких» целей, что мы могли наблюдать у террористов. Но триумф не может длиться долго, и часто после его переживания также наступает чувство опустошения, связанное с отсутствием выполненной уже цели. Поэтому жизнь в целом воспринимается как довольно безрадостное предприятие, в котором, однако, могут быть благостные события в виде расправ с врагами.

Жестокость, характерная для террористического и экстремистского поведения, объясняется также и действием других психологических механизмов. Ей может способствовать такая характеристика образа врага, как отсутствие конкретных личностных черт. Кроме того, может работать и крайне деструктивная защита, блокирующая переживания страха и вины и запускающая агрессивное поведение в ситуациях резкого человеческого противостояния и угрозы жизни – так называемая идентификация с агрессором. Она более характерна для лиц с серьезными параноидными нарушениями, так как в основе ее возникновения лежит интенсивный страх наказания, неоднократно переживавшийся в детстве. Жестокое поведение по отношению к другому

человеку становится необходимым, так как на бессознательном уровне связывается с возможностью избежать страдания: страдание другого служит бессознательным подтверждением того, что в данный момент «страдает кто-то другой, а не я». В психоаналитических исследованиях жестокого поведения неоднократно показывалось, что оно является характерным для лиц, которые сами пережили жестокое обращение в детстве.

Подводя итог всему сказанному, мы можем утверждать, что личности террориста присущи глубокие психологические нарушения по типу параноидных или нарциссических, сформировавшиеся на ранних стадиях развития в результате нарушенных детско-родительских отношений. Это делает индивида в дальнейшем восприимчивым к ксенофобии и националистическим идеям, позволяет легко актуализироваться архетипам «чужого» и «врага» и запускает деструктивное и аутодеструктивное поведение. Коррекция подобных личностных особенностей вряд ли возможна в результате только устранения социальных конфликтов и принятия мер по снижению социальной напряженности. Она требует длительной и глубокой психотерапевтической работы, так как глубинные личностные образования являются весьма инертными, с трудом выявляются и корректируются.

ЛИТЕРАТУРА

- Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции / Россия/Russia: Образ врага / Л. Гудков. – М., 2005.
- Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика / Н. Мак-Вильямс. – М., 2006.
- Нойман Э. Глубинная психология и новая этика / Э. Нойман. – СПб., 1999.
- Стефаненко Т.Г. Этническая психология / Т.Г. Стефаненко. – М., 2003.
- Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ / Х. Томэ, Х. Кэхеле. Т. 2. Практика. – М., 1996.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М., 1996.
- Юрасова Е.Н. Психологические особенности лиц, склонных к экстремизму, терроризму и ксенофобии / Е.Н. Юрасова // Юридическая психология. 2008. № 4.

